

А.А. Семакина

Гамлетовская грань в структуре женских образов в романах И.А. Гончарова

Гончаров полагал, что гамлетовские свойства не являются достоянием только исключительных личностей, но отличают многих. Эта идея в полной мере воплотилась в художественной антропологии писателя. В своих героях Гончаров выявлял гамлетовские «психологические движения». Не были исключениями и его женские персонажи, в которых гамлетовские свойства души обнаруживались в разной степени при решении ими как вопросов экзистенциальных, так и вполне бытовых, что придавало женским образам писателя объёмность и человеческую глубину.

Ключевые слова: И.А. Гончаров; женский персонаж; гамлетовский вопрос; художественная антропология.

Трагедия У. Шекспира «Гамлет, принц датский» — наиболее знаменитая из пьес английского драматурга, поднимающая вопросы поистине общечеловеческого значения. Но каждая эпоха видела в ней свои, более близкие ей смыслы. Нельзя не согласиться с Б.А. Гиленсоном, который считает, что Гамлет является ярчайшим примером того, как «исторический опыт, расширение накопленных знаний о мире и человеке дают возможность вносить дополнительные нюансы в оценку классических произведений и художественных образов» [4: с. 104].

Отношение к шекспировскому герою в России было связано с общеевропейской традицией его восприятия, но имело и свои национально неповторимые черты. Одной из известнейших русских интерпретаций Гамлета, которая была отдалена от живой конкретики текста английского драматурга и представляла собой размышление о человеческой сущности шекспировского образа, была статья И.С. Тургенева «Гамлет и Дон Кихот» (1860). Она активно обсуждалась в обществе и определила специфические черты «русского Гамлета» на долгие годы. Однако это была далеко не единственная трактовка. Если Тургенев видел в Гамлете центростремительное начало, проявляющееся прежде всего в эгоизме и безверии

человека, и на этом основании говорил об универсальном значении типа, то Гончаров, также полагавший, что Гамлет скрывается едва ли не в каждом, подчеркивал иные его общечеловеческие грани.

В набросках своей статьи «Опять “Гамлет” на русской сцене» (1875) (см. [2]) Гончаров размышляет и о том, как стоит играть Гамлета, и о самом шекспировском герое. С точки зрения Гончарова, Гамлет — не столько тип, сколько *особый строй любой человеческой души*. «Тонкие натуры, наделенные гибельным избытком сердца, неумолимою логикой и чуткими нервами, более или менее носят в себе частицы гамлетовской страстной, нежной, глубокой и раздражительной натуры» [2: т. 8, с. 203]. «Свойств Гамлета» нет «в состоянии покоя: они рождаются от прикосновения бури, под ударами, в борьбе» [2: т. 8, с. 204]. «Ситуация Гамлета» может возникнуть едва ли не с каждым — это разлад с миром, столкновение со страшной действительностью и, как следствие, сомнение в основах жизни. По мнению писателя, «психологические движения, какие играют в душе Гамлета», свойственны человеческой натуре вообще. Это доброта, честность, благородство, строгая логика, т. е. «свойства души слишком общие» [2: т. 8, с. 203]. Но есть также исключительное качество, проявляющееся в особых обстоятельствах, — это сомнение, которое, однако, тоже свойственно едва ли не любой человеческой натуре. Другими словами, каждый человек, по мысли Гончарова, — Гамлет в большей или меньшей степени.

О гамлетизме в романах Гончарова писали такие исследователи, как М.П. Алексеев [3], А. Кобылянский [5], Е.А. Краснощекова [6], В.А. Недзвецкий [7; 8], М.В. Отрадин [9]. Однако в большей мере размышления учёных были связаны с мужскими персонажами. Между тем сам Гончаров гамлетовские свойства обнаруживал и в своих женских характерах, которые, по нашему глубокому убеждению, несут в себе отголоски «вечного образа» Гамлета. Как справедливо отмечал писатель, «кто потрудится <...> тот найдет <...> и в самом себе, и во многих других родственные с Гамлетом свойства», «все дело — в размерах лиц и событий» [2: т. 8, с. 203]. Гамлетовское «психологическое движение» может быть выражено в героинях Гончарова слабее или сильнее, обнаруживать себя в решении ими значительных (экзистенциальных) и не очень значительных (бытовых и частных) вопросов.

В своих текстах Гончаров лишь однажды даёт прямое указание на родство свойств и черт одной из его героинь с Гамлетом. «Гамлетовским сомнением» [1: т. 7, с. 126] автор наделяет Софью Беловодову («Обрыв»), которая, казалось бы, далека от шекспировского героя. В обрисовке характера Софьи Гончаров обращается к психологическому феномену девочки-вдовы, женщины, оставшейся навек ребенком. Как итог, читатель видит перед собой женщину, совершенно далекую от суровой реальности жизни. Софья одинока, находится в полном подчинении у своих тетюшек. Она чувствует свою несвободу (во многом благодаря беседам с Райским), свое «канареечное» существование: «Он видел, что заронил

в неё сомнения, что эти сомнения — гамлетовские. Он читал их у ней в сердце...» [1: т. 7, с. 126]. Это сближение воспринимается читателем иронически. Однако для автора оно вполне оправдано, ведь даже в незначительном в личностном плане характере может скрываться Гамлет. Параллель с Гамлетом обнаруживает скрытый трагизм в образе Софьи: воспитанная в светской строгости, она никогда на самом деле не любила, следовательно, не осознавала, что такое «живая жизнь» [1: т. 7, с. 101].

Более прямых указаний на родство своих героинь с Гамлетом Гончаров читателю не предлагает, однако при этом расширяет спектр сопоставлений с шекспировским героем с помощью скрытых ассоциаций. Как правило, они возникают в поворотные моменты жизни его героинь, когда те вынуждены решать коренные для себя вопросы. Примечательно, что до этого момента в характере героини могло явственно и не высказываться сомнение как ключевое гамлетовское «психологическое движение», по определению Гончарова. Но писатель изображает свою героиню в обстоятельствах, которые вынуждают её «взглянуть на все ужасы жизненной бездны» [2: т. 8, с. 204]. Именно так происходит с героиней романа «Обрыв» Верой, которая обладает гамлетовскими чертами: нерешительностью, чувством одиночества, гордостью. Сомнения героини проявляются в её выборе между старой и новой правдой. Последнюю она нашла в лице Марка Волохова, но чуткую и умную девушку отталкивает его новая мораль «любви на срок» [1: т. 7, с. 605]. Однако и старая правда Бабушки кажется ей несовершенной.

Понимая невозможность для себя примирить «старое» и «новое», Вера решила более не встречаться с Марком, но читатель видит, что она сомневается и стоит перед «обрывом», который едва ли не сопоставим с гамлетовской «бездной». Стоит в надежде, что Марк «уступит» [1: т. 7, с. 603]. И во многом следствием этих сомнений оказывается её «падение». Но это «падение» и есть тот самый поворот, который открывает ей всё, и Вера становится, как и Гамлет, «искупительной жертвой» [2: т. 8, с. 204]. Её вопрос — иной, чем у Гамлета, но она, как и шекспировский герой, вовлечена в решение коренного, сущностного вопроса бытия. Однако в отличие от Гамлета, Вера не гибнет, так как решает разделить своё горе с близкими. Пережитые страдания Татьяны Марковны, поддержка Райского и Тушина указали Вере «новый путь» [1: т. 7, с. 688].

Состояние экзистенциального вопрошания, которое переживает Ольга Ильинская в конце романа «Обломов», также роднит героиню, как отмечается в романе, с Фаустом, Манфредом, но и с Гамлетом тоже.

Ольга страстно хочет любви, жизни, движения, полноты бытия. В то время когда героиня духовно росла, всё более и более осознавая свои обязанности в любви, Обломов, также мечтающий о полноте бытия, оставался в своём развитии неподвижным, что привело к неизбежному разрыву, ведь обретение идеала любви невозможно без движения и преодоления трудностей. После расставания с Обломовым героине кажется, что она не сможет полюбить вновь, ведь Илья Ильич — «хрустальная душа» [1: т. 4, с. 467], каких мало.

В Штольце же Ольга нашла нечто близкое Обломову, но более деятельное и живое, потому и решается на союз с ним. Но в гармоническом, как казалось, союзе со Штольцем Ольгу что-то смущает, полнота семейной жизни, оказывается, ставит героиню перед новой «бездной». Среди семейного счастья Ольга «впадала в задумчивость» [1: т. 4, с. 468]. Её пугала остановка жизни, «отдых жизни», она боялась, живя со Штольцем, «впасть во что-нибудь похожее на обломовскую апатию», в «сон души», в «оцепенение» [1: т. 4, с. 469]. Ей казалось, что в её жизни не всё есть, душа её тоскует, чего-то ищет и просит: «Что ж это? — с ужасом думала она. — Ужели ещё нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нет дороги... Ужели нет, ужели ты совершила круг жизни? Ужели тут всё...» [1: т. 4, с. 469].

Жизнь со Штольцем, гармоничная и многогранная, приводит её к главному сомнению — к той самой тоске, которую она не может выразить словами. Но Штольц находит ей объяснение, сравнивая это состояние с дерзаниями человеческого духа, что испытывали Манфреды и Фаусты, однако предлагает супруге смириться и решительно отмежеваться от них. Возможно, он небезосновательно предчувствует трагическую, гамлетовскую по сути, перспективу беспокойства Ольги, когда «ужасы жизненной бездны» наваливаются на обычного человека, а не на «льва» и не на «героя» [2: т. 8, с. 204] и потому делают из него неизбежную «жертву». Но остановить Ольгу невозможно — доводы Штольца не удовлетворяют потребности её пытливого ума, ведь она «не знала этой логики покорности слепой судьбе» [1: т. 4, с. 477].

Лизавету Александровну, героиню романа «Обыкновенная история», с Гамлетом роднит всё то, что отличает и всех, в сущности, хороших людей, по Гончарову, — доброта, благородство, честность. Помимо роли нравственного судьи в жизни Александра и Петра Иваныча, образ Лизаветы Александровны и сам по себе самодостаточен — в нём обнаруживается скрытый трагизм и с его помощью вскрыта трагедийность «обыкновенной истории» «духоутошения» (В.Н. Ильин). Выйдя замуж за чёрствого человека, героиня Гончарова пребывает в состоянии вечной внутренней борьбы, испытывает постоянные сомнения, пытается разгадать своего мужа, найти в нем хоть каплю чувства. Трагизм ситуации связан не только с тем, что Лизавета Александровна, не испытывая никаких материальных проблем и внешних бед, внутренне страдает, но и с её пониманием того, что мир Петра Иваныча Адуева становится всё более экстенсивным, захватывая в свои горизонты и её саму, и племянника Александра.

Лизавета Александровна, как и Гамлет, поставлена на грани бездны — и трагизм повседневного быто-бытия, одиночество в супружестве делают её нерешительной. Она, как и Гамлет, оказывается «искупительной жертвой» [2: т. 8, с. 204] обстоятельств, поскольку её недомогание, постепенное увядание становится поводом для пробуждения души Петра Иваныча, который готов ради жены встать на путь исправления. И, казалось бы, Лизавета Александровна побеждает в битве с призраком смерти. Однако о Гамлете Гончаров скажет: «Не выдерживает

его организм и падает, потому что в нем нет ни большого, ни отравленного места <...> Он дойдет до цели — и сам падет там...» [2: т. 8, 205]. Не таков ли жизненный итог этой романной героини Гончарова?

Не все женские персонажи, которых Гончаров в большей или меньшей степени наделяет чертами Гамлета, трагичны. Примером тому может служить образ Марфиньки («Обрыв»). Сомнения Марфиньки производят иронический эффект, ведь гамлетовский склад души кажется совсем не свойственным героине. Однако, как писал Гончаров, «Гамлеты не так редки» между людьми, «все дело в размерах — лиц и событий» [2: т. 8, с. 204]. «Размер» личности этой героини Гончарова не велик, но тем интереснее высветить в ней гамлетовское, а значит человеческое «психологическое движение», которое Гончаров призывал видеть в каждом. Все сомнения Марфиньки связаны с тем, рассказать ли Бабушке то, что случилось с ней необычного, или умолчать. Вот как описано состояние Марфиньки после бесед с Райским: «Марфинька, обыкновенно всё рассказывавшая бабушке, колебалась, рассказать ли ей или нет о том, что брат навсегда отказался от её ласк, и кончила тем, что ушла спать, не рассказавши. Собиралась не раз, да не знала, с чего начать» [1: т. 4, с. 259].

Другой пример — Надинька Любецкая («Обыкновенная история»), чьи сомнения связаны не с решением коренных вопросов бытия, как это было в случае с Ольгой Ильинской, а с предстоящим замужеством. На фоне Ольги, Лизаветы Александровны или Веры, повод для сомнений у Надиньки выглядит нелепо и вызывает у читателя улыбку. Обладающая пытливым умом героиня не может связать свою жизнь с обычным, ничем не примечательным, как ей кажется, Александром Адуевым. И когда на её пути появляется успешный, известный в обществе граф, она влюбляется. Перед ней стоит вопрос: кого выбрать? Похожего на всех Александра, который её боготворит, или графа, который не проявляет к ней излишних чувств и говорит о себе как о друге семьи. Надинька выбрала последнего, хотя и не знала, что делать дальше. «Она чувствовала только смутно, что ей можно и пора протестовать против отдачи её замуж родителями, и только могла <...> заявить этот протест, забравковав одного и перейдя чувством к другому» [2: т. 8, с. 75].

Говоря о Надиньке и Марфиньке и об их «гамлетовских вопросах», которые Гончаров представил в ироническом свете, нужно отметить, что даже в персонажах негероического склада гамлетовские движения дают о себе знать. «Размеры лиц» [2: т. 8, с. 203], повторимся, как и события, заставляющие героинь сомневаться, не грандиозны, а вполне обыкновенны. Но для Гончарова, полагающего, что в каждом или почти в каждом скрывается Гамлет, это важно.

Применительно к своим героиням Гончаров часто (в гамлетовской связи) рассуждает о сомнениях. По его мнению, Гамлет становится Гамлетом тогда, когда возникает «гамлетовский вопрос». У каждого — свой, один вопрос кажется читателю весомым, касающимся коренных основ бытия, другой — обыденным и потому удостаивается иронической эмоции. Однако многие, и не только центральные женские персонажи Гончарова, несут в себе гамлетовские свойства. Героини, на первый взгляд, могут казаться мало чем примечательными, добрыми

и славными, как «положительная» [2: т. 8, с. 77] пушкинская Ольга, но в какой-то момент их начинает волновать постоянный вопрос-сомнение. Так гамлетовская грань сказывается в бытовых сомнениях, что заполняют пространство душевных переживаний Надиньки (какого жениха предпочесть) или Марфиньки (как не разочаровать Бабушку), травестированно окрашенных в романе. Здесь мы говорим о художественной антропологии Гончарова, о его видении человека и художественной реализации этих взглядов. Для нас может показаться странным, что Марфинька, Софья, Надинька — Гамлеты, а для Гончарова-художника это естественно. Травестированное сопоставление на самом деле обнаруживает особую позицию Гончарова: в каждом человеке есть нечто от Гамлета, все зависит от масштаба той жизненной «бездны», перед которой он оказывается.

Обнаруживая гамлетовские свойства души (высокие или обыденные) в женских персонажах, Гончаров делает свои образы рельефнее и многограннее. Они приобретают естественную объемность. Наделяя женщин, не склонных к рефлексии и сомнению, чертами Гамлета, Гончаров подчёркивал значимость каждой, пусть и невеликой, человеческой индивидуальности.

Библиографический список

Источники

1. *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 4, 7. СПб.: Наука, 1997. Издание продолжается.
2. *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952–1955.

Литература

3. *Алексеев М.П.* Шекспир и русская культура / под. ред. М.П. Алексеева. М.: Наука, 1965. 831 с.
4. *Гиленсон Б.А.* Вузовский учебник по зарубежной литературе: заметки о жанре // Вестник МГПУ. Сер. «Филологическое образование». 2010. № 1. С. 97–107.
5. *Кобылянский А.* Обломов — «русский Гамлет» // Мастер русского романа И.А. Гончаров в литературной критике русского зарубежья: сб. документов и материалов. М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 280–291.
6. *Краснощекова Е.А.* И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
7. *Недзвецкий В.А.* Илья Ильич Обломов: грани романного образа: (К 200-летию со дня рождения И.А. Гончарова) // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2012. Т. 71. № 3. С. 21–28.
8. *Недзвецкий В.А.* Роман И.А. Гончарова «Обломов»: Путеводитель по тексту. М.: Изд-во МГУ, 2010. 224 с.
9. *Отрадин М.В.* Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 1994. 169 с.

References

Istochniki

1. *Goncharov I.A.* Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 4, 7. SPb.: Nauka, 1997. Izdanie prodolzhaetsya.

2. *Goncharov I.A.* Sobr. soch.: v 8 t. M.: Gos. izd-vo hudoz. lit., 1952–1955.

Literatura

3. *Alekseev M.P.* Shekspir i russkaya kul'tura / pod. red. M.P. Alekseeva. M.: Nauka, 1965. 831 s.
4. *Gilenson B.A.* Vuzovskij uchebnyk po zarubeznoj literature: zametki o zanre // Vestnik MGPU. Ser. «Filologicheskoe obrazovanie». 2010. № 1. S. 79–107.
5. *Kobilyanskij A.* Oblomov — «rossijskij Gamlet» // Master russkogo romana I.A. Goncharov v literaturnoj kritike russkogo zarubez'ya: sb. dokumentov i materialov. M.: Centr knigi Rudomino, 2012. S. 280–291.
6. *Krasnoschheкова E.A.* I.A. Goncharov: Mir tvorchestva. SPb.: Pushkinskij fond, 1997. 492 s.
7. *Nedzvetskij V.A.* Il'ya Il'ich Oblomov: grani romannogo obraza: (k 200-letiyu so dnya rozdeniya I.A. Goncharova) // Izvestiya RAN. Ser. literatury' i yazy'ka. 2012. T. 71. № 3. S. 21–28.
8. *Nedzvetskij V.A.* Roman I.A. Goncharova «Oblomov»: Putevoditel' po tekstu. M.: Izd-vo MGU, 2010. 224 s.
9. *Otradin M.V.* Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta, 1994. 169 s.

A.A. Semakina

The Hamlet Image-Plane in the Structure of Female Characters in I.A. Goncharov's Novels

Goncharov supposed that Hamlet's properties were not an exclusive domain of outstanding individuals, but they distinguished many. This idea was fully embodied in the writer's artistic anthropology. Goncharov identified Hamlet's «psychological movements» in his characters. No exception were his female characters, in whom Hamlet's properties of the soul were found to varying degrees in their settling existential and quite mundane issues, which gave the writer's female images dimension and human depth.

Keywords: I.A. Goncharov; female character; Hamlet's question; artistic anthropology.